

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ – НЕ ПЫЛЬ НА ВЕТРУ

28 августа очередная, 63-летняя годовщина со дня выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Это распоряжение ликвидировало автономную республику, а день его появления на свет стал роковым для более чем миллиона людей: 326 538 мужчин, 473 129 женщин и 409 763 детей до 16 лет. Младенцы, появившиеся на свет в спецпоселениях, разделили судьбу своих родителей.

– Я родилась 2 ноября 1948 года на лесоучастке Березовый. Семья была большая (пятеро детей), отец – немец, мать – русская, – вспоминает Галина Павловна Петрова (урожденная Ракко). – Сначала мы жили в землянке, вырытой на высоком берегу реки Лименда так, что, выходя из «дому», можно было упасть с обрыва в воду... Даже заключенные, работавшие вместе со спецпоселенцами, жили в бараках и освобождались, отбыв свой срок, а мы обречены были остаться здесь навечно...

Пауль Августович Ракко был выслан из Куйбышевской области в 1930 году. Ему было тогда 13 лет, а семья считалась раскулаченной. К моменту рождения дочери Галины он был демобилизован из трудовой армии и работал заведующим биржей в лесопункте № 23 Сольвычегодского отделения дороги. Многие образованные немцы занимали в то время важные посты – мастеров леса, заведующих лесопунктами, потому что на почти пустом месте, куда были брошены лишь репрессированные, заключенные да конвоиры, руководить больше было некому.

– Благодаря работе отца мы переехали в барак, стоявший за двухметровым забором биржи с башнями по углам. А когда мне было десять лет – в отдельный дом с очень маленькими комнатками, в двух из которых едва умещались кровати, в третьей стояли только стол и семь стульев для всех членов семьи, – рассказывает Галина Павловна.

Она отлично помнит семьи немцев, живших с ними рядом: Бендер, Фишер, Бесплюк, Майер, Даам. Из-за большого количества переселенцев дети не чувствовали себя неуютно в школе среди русских ребят (в этой среде национальный вопрос роли не играл).

– Указом Президиума ВС СССР от 26 ноября 1948 года мы были оставлены на спецпоселении навечно как лица немецкой национальности, лишённые паспортов, прав передвижения и переписки, — говорит Галина Петрова.

Переписка была разрешена только в 1954 году, после смерти И. В. Сталина. Тогда же Пауль Ракко начал искать родных. Две сестры нашлись под Няндомой, старшая - в Киргизии, семья брата Владимира - в Казахстане. Далеко друг от друга разбросало близких людей. А все потому, что семьи разбивали нарочно, отправляя, например, старших детей в степи, а младших с родителями - на север, чтобы не сохранились национальные культура, язык, традиции. На работе и дома запрещалось говорить на немецком. Детям ничего не рассказывали (боялись) и объясняли все несколькими словами: «Меньше знаешь - лучше спишь». Так говорил и отец Галины. Он умер в 1964 году, а был реабилитирован лишь в 1998-ом.

Это лишь одна из семейных историй русских немцев. Таких судеб тысячи, и во всех них есть нечто схожее: бараки и работа под конвоем, голод, лишения, смерти близких. В Котласе и по сей день живы люди, которые, пройдя через все это, без слез не могут вспоминать о событиях более чем 60-летней давности.

Приезд на пустое место всегда был ужасен. По словам Александра Федоровича Крейдер, отобрали все имущество, овощи, зерно, сено, с собой разрешили взять лишь продукты на неделю да для старших деда и бабки тулупы, подушки и два одеяла. Со станций переселенцы шли пешком под конвоем, таща за собой на санях вещи, детей и стариков.

А вот записки Эрвина Фридриховича Гарвард, прочитанные мной в альбоме воспоминаний РНЦВ, посвященном трудармейцам и репрессированным:

«Вагон качало, колеса стучали, а поезд катил без остановки. Я лежал на верхних нарах и просил, чтобы сестра сварила картофельный суп. Так и не дождавшись, засыпал голодным. Наконец, поезд остановился, двери раскрылись, и дохнуло морозом. Все зашумели и стали выпрыгивать из вагона. Мать подала наши узелки сестрам и братьям, последним передала меня. Кругом лежали сугробы, впереди были бараки, чуть сбоку вышки, забор и колючая проволока. Это был лагерь военнопленных».

Указ от 28 августа гласил: «Во избежание нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий ПВО СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах» (по статье В. Гринмаера «Годовщина», «Магнитогорский рабочий» от 18 августа 2000 года). Немцев, конечно же, не наделили никакими «угодьями», а поселили в бараки по 60 человек с двухэтажными нарами и печкой-буржуйкой посередине (к которой всегда стояли в очередь погреться), сараи, землянки, изоляторы для скота и прочие заброшенные строения, в лучшем случае это мог быть дом на несколько семей.

Хочется вновь обратиться к воспоминаниям Эрвина Фридриховича Гарвард, дающим яркое представление об условиях жизни переселенцев: «Помню как сейчас этот барак. Один вход. С двух сторон двухъярусные нары, посередине, ближе к концам, - длинные плиты для отопления и варки. Нам на шесть человек

выделили два нижних и два верхних места. Мать завесила простынями две стороны, и получилось, как в плацкартном вагоне».

В нашем районе существовало несколько спецпоселений: Угольная, Мостозавоз, 335-й километр, Лесопункт № 23 (лесоучасток Березовый), поселения в Харитонове, в Лименде и на Макарихе. Условия жизни мало отличались друг от друга. В одном месте были карточки на хлеб, в другом повторно чистили картофельные очистки и заправляли ими суп, жарили крапивные котлеты на рыбьем жире и отравлялись грибами, потому что не знали, какие съедобные.

«Одеться было не во что. Не было даже сменного белья. Помню, нас маленьких мама вымоет и завернет в одеяло голых, затем стирает наше бельишко. На ноги нам сшили бурки — ватные простроченные матерчатые сапожки, ко торые носили с калошами», — пишет Роза Оттовна Стенина (урожденная Кепплин), которая провела свое детство в леспрохозе «Летняя база» Ивановской области.

Работать приходилось всем - от мала до велика. В трудовую армию направляли женщин, имевших детей старше пяти лет, и всех мужчин, включая ушедших на войну (их забирали с фронта и привозили на поселения). Женщин отправляли на заводы и лесоповалы, сплав леса или добычу соли, мужчин - строить дома в поселке Вычегодском, мосты через реки Северную Двину, Вычегду, Вымь, железную дорогу на Воркуту. Работали без выходных, по девять часов, за колючей проволокой, под конвоем.

Самых слабых детей отправляли в детдома, остальных, в зависимости от возраста, определяли в школы, но туда мало кто ходил. Голод брал верх, приходилось рано начинать работать, например, возить уголь, дрова, мебель, мусор (как Эрнест Эдуардович Губер). Или наниматься пилить, колоть и прибирать дрова. В большинстве случаев ребята могли закончить лишь школы ФЗО, техникумы или институты (заочно) и служить в частях ВСО в армии, дальше в то время не пускали. Все сводилось к одному - человек немецкой национальности.

В 1945 году война закончилась, но еще более трех лет советские немцы оставались мобилизованными в трудовую армию. «26 ноября 1948 года вышел указ Президиума ВС СССР «О закреплении немцев в местах поселения», которым устанавливался комендантский режим спецпоселения. Трудармейцы превращались в спецпоселенцев. Лагерный режим заменялся комендантским надзором, при котором нельзя было без особого разрешения сходить даже в соседнее село» (по статье В. Гринмаера «Невеселый юбилей», «Магнитогорский рабочий» от 28 августа 1998 года). Но люди все равно ходили в дальние деревни и обменивали последние вещи на картофель, брюкву и другие продукты.

Строгий комендантский надзор существовал вплоть до декабря 1955 года, но и после его отмены еще долго были ограничения в передвижении, регулируемые системой прописки. По статистике МГБ СССР, на 1 января 1953 года на спецпоселении было 2 753 356 человек, из которых немцы составляли около половины, а точнее, 1224 931 (44,5 процента). В некоторых лагерях к концу войны в живых осталось от 50 до 25 процентов от первой мобилизации (январь 1942 года) и от 75 до 50 процентов от второй мобилизации, когда были мобилизованы и женщины (ноябрь 1942 года). Погибло много стариков и детей, не отправленных в «рабочие колонны», но оставшихся в тяжелых условиях ссылки без средств к существованию.

Только в 60-х годах началась реабилитация, но одни умирали, ничего о ней не зная даже в 70-х, другие были оправданы всего несколько лет назад...

Дела давно минувших дней позади, но воспоминания до сих пор берегут души переживших это людей. Уже семь лет в Котласе существует Русско-немецкий центр встреч (РНЦВ) на улице Гагарина, 62 (это один из 25 Центров Северо-Западного региона, главный из которых находится в Санкт-Петербурге). Его основателями были Ольга Фридриховна Буксман и Людмила Васильевна Попова, а сейчас уже год работой руководит Галина Павловна Петрова (Ракко). В альбоме воспоминаний, который ведут работники Центра, вы прочитаете слова:

И вера крепка, убежденность растет, Что выход достойный время найдет. Нас мало, но внукам и детям своим Язык и культуру мы все ж сохраним. В историю впишем свою мы строку, Российские немцы не пыль на ветру.

Задача Центра - сохранять и распространять культуру русских немцев, изучать их традиции, не забывать язык.

При Центре существует Клуб сеньоров - самых старших, хранящих память для потомков. Они организуют веселые немецкие праздники, иногда, благодаря льготам, предоставляемым за счет Германии, отдыхают и поправляют свое здоровье в котласском профилактории.

В заключение остается лишь дать слово члену РНЦВ Лилии Константиновне Стрекаловской (Кобер): «28 августа мы, российские немцы, считаем Днем Памяти о тех страшных годах, когда целый народ был лишен своей родины, места, где жили их предки, где были могилы их отцов и дедов. Почтим же память наших отцов, на долю которых выпали тяжкие испытания. Пожелаем оставшимся в живых здоровья и долголетия».

Татьяна МУСОНОВА.